

Константин Гуркин

МОРЕ ВРЕМЕНИ

*«Время — не река.
Время — море.
И в этом море никто
из любящих не теряется
навсегда.»*



Константин Гуркин

Море времени

«Автор»

2026

Гуркин К.

Море времени / К. Гуркин — «Автор», 2026

Время — не река. Время — море. И в этом море никто из любящих не теряется навсегда. После посещения заброшенного здания на острове Бююкада — некогда задуманного как роскошный отель, а ставшего приютом для детей — профессор истории архитектуры приходит в себя в Стамбуле 1898 года, в чужом теле, под чужим именем. Но прошлое странным образом ждало его: здесь у него есть дом, дело, имя зодчего — и встреча, к которой вела вся эта невозможная дорога сквозь столетие. Её зовут Фирдевс. Она видит сны, которые сбываются, и хранит тайну старинного зеркала — зеркала, что показывает не лица, а судьбы. В его глубине ей является один и тот же человек, в разных временах и городах. Тот, кого здесь, в уходящей империи, не знает никто. Чувственная и целомудренная история о любви длиною больше, чем жизнь. Для тех, кто чувствует: некоторые встречи случаются не вовремя — а навсегда.

© Гуркин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Глава 1. Деканат.	8
Глава 2. Кафе «Золотая лилия».	12
Глава 3. Взгляд Мелек.	16
Глава 4. В кабинете Декана.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Константин Гуркин

Море времени

Глава

МОРЕ ВРЕМЕНИ

Роман

Константин Гуркин

Время — не река. Время — море.

И в этом море никто из любящих не теряется навсегда.

«Опора не в силе — в готовности быть рядом,

В молчании, что говорит ясней любых речей.

Когда душа находит душу, мир становится наградой,

А путь — светлее среди туманных дней».

Предисловие

Прежде чем вы окунётесь в эту историю, я хотел бы сказать несколько слов о человеке, чьё имя легло в основу моего повествования.

Ведат Тек — выдающийся архитектор, стоявший у истоков Первого национального архитектурного движения в Турции. Его работы во многом определили облик современного Стамбула, соединив традиции османской и сельджукской архитектуры с новыми эстетическими идеями эпохи. Здания, созданные Ведатом Теком, не просто украшают улицы города — они рассказывают историю трансформации страны, её стремления к самобытности и гармонии.¹

Я испытываю глубокое уважение к этому мастеру, его жене и семье. Их жизнь, полная труда, вдохновения и верности призванию, заслуживает того, чтобы о ней знали и помнили.

Эта книга — не биография. Это художественное произведение в жанре приключенческой мистики, где имя Ведата Тека и отдельные штрихи его судьбы стали отправной точкой для создания вымышленного сюжета. Я сознательно заимствую имя этого человека, чтобы через призму фантазии привлечь внимание читателя к его реальной личности.

В этой истории вы встретите Ведата — молодого человека, вовлечённого в удивительные события, полные загадок и мистических открытий. Его путь — плод моего воображения, но сам факт, что он носит имя настоящего архитектора, — знак почтения и восхищения.

Но у этой истории есть и второй герой — не человек, а город.

Стамбул. Город на стыке двух материков, двух морей, двух миров — европейского и азиатского, западного и восточного, прошлого и будущего. Город, который пережил три великие империи и сохранил память о каждой. Здесь камни помнят больше, чем летописи; здесь каждая улица — это слой времени, лежащий поверх другого слоя, а тот — поверх третьего. Стамбул не просто фон для этого повествования. Он его соавтор, его дыхание, его душа. Без него не было бы ни Ведата, ни этой книги.

Замысел романа родился у меня не за письменным столом, а на острове Бююкада — самом большом из Принцевых островов в Мраморном море. Там, среди сосен и тишины, куда не допускаются автомобили и где время будто замедляет свой ход, я набрёл на руины громадного деревянного здания — Принкипо Палас.²

Это сооружение поразило меня до глубины души. Самое большое деревянное здание Европы, построенное на исходе девятнадцатого века как роскошный отель, оно так и не приняло ни одного постояльца в этом качестве — и за минувший век превратилось в величественный, печальный остов. Я стоял перед ним и думал о том, сколько судеб могло бы пройти сквозь эти стены, сколько замыслов вложили в него те, кто его создавал, и как причудливо распорядилась им история. В тот момент, среди скрипа старого дерева и шума ветра в соснах, я почувствовал, что у этого места есть своя тайна, которую хочется рассказать.

Так родилась эта книга. Из восхищения мастером, из любви к городу и из той особой тишины острова, где прошлое кажется ближе, чем настоящее.

Возможно, познакомившись с художественным образом Ведата, вы захотите узнать больше о реальном Ведате Теке:

¹ Ведат Тек (1873–1942) — выдающийся турецкий архитектор, основоположник Первого национального архитектурного движения. Получил образование в Париже, работал придворным архитектором Абдул Хаида II. Автор Главного почтамта в Стамбуле и ряда других значимых зданий.

² Бююкада (тур. Büyükdada — «большой остров») — самый крупный из Принцевых островов в Мраморном море, популярное дачное место стамбульской аристократии. Известен запретом на автомобильный транспорт, сохранившимся до наших дней.

изучить его архитектурное наследие — от Главного почтового отделения в Стамбуле до губернаторства в Кастамону и других знаковых построек;³

понять, как его идеи повлияли на формирование национального стиля в архитектуре Турции;

открыть для себя Стамбул глазами человека, чьи творения стали неотъемлемой частью городского пейзажа.

Отдельно я хочу сказать о моём глубоком и искреннем уважении к реальным прототипам героев этой книги — к архитектору Ведату Теку и его супруге Фирдевс, а также к их родителям и близким, чьи имена и судьбы вдохновили меня. Это были незаурядные, одарённые люди, чья жизнь была наполнена трудом, любовью, творчеством и преданностью своему делу и своей стране.

Я хочу подчеркнуть со всей определённостью: эта история придумана мной. Она использует лишь отдельные реальные события и черты биографий этих людей — как мазки, из которых художник создаёт собственную, вымышленную картину. Всё остальное — характеры, разговоры, чувства, мистическая канва — плод моего воображения, и его не следует принимать за документальную правду.

Я искренне надеюсь, что потомки этих замечательных людей не обидятся на меня за подобные заимствования и воспримут их так, как они были задуманы, — как дань уважения и восхищения, а не как посягательство на память. Моим единственным желанием было почтить их, а не исказить.

И если этот роман пробудит в читателях интерес к подлинной жизни, творчеству и наследию реальных Ведата и Фирдевс Тек, их семей и эпохи, в которую они жили, — если он вернёт эти прекрасные имена в наше информационное поле, заставит кого-то открыть книгу по истории, отыскать их работы, пройти по улицам Стамбула, где стоят созданные ими здания, — значит, я выполнил главную свою задачу. Большой награды я и не желаю.

Пусть эта книга станет мостиком между вымыслом и реальностью, между захватывающим приключением и подлинной историей выдающегося мастера.

*С уважением и благодарностью,
Автор.*

³ Кастамону — город на севере Анатолии, центр одноимённого вилайета. Здание правительства, построенное там Ведатом Теком в 1902 году, принесло архитектору первую известность.

Глава 1. Деканат.

Кабинет деканата архитектурного факультета университета имени Мимара Синана располагался на третьем этаже старого здания, построенного ещё в начале XX века. Высокие потолки, массивные дубовые балки, большие окна с видом на Босфор — всё здесь дышало историей. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь пыльные стёкла, рисовали на полу золотистые квадраты.⁴⁵

Дениз Акман стоял у окна, заложив руки за спину. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне мерцающей водной глади Босфора. Он стоял так уже минут десять — неподвижно, словно статуя, и только пальцы правой руки слегка постукивали по подоконнику в каком-то сложном ритме.

Туран, его аспирант, сидел за длинным столом для совещаний, склонившись над записями. Перед ним лежали стопки книг по османской архитектуре, блокнот с набросками, ручка и чашка остывшего кофе. Молодой человек нервно теребил карандаш — он знал этот взгляд профессора, предвещавший нечто необычное.

Близился вечер четверга, занятия почти закончились, и в кабинете царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных настенных часов да отдалёнными голосами студентов в коридоре. Где-то за стеной кто-то играл на пианино «Лунную сонату» Бетховена.

Дениз слушал эту далёкую музыку и думал о том, что вся его жизнь прошла под аккомпанемент чужих эпох. Ему было пятьдесят один, и большую часть из них он провёл, разговаривая с теми, кого давно нет. Камни, чертежи, выцветшие фотографии, пожелтевшие письма — он умел читать их так, как другие читают лица живых людей. Иногда ему казалось, что прошлое для него реальнее настоящего. Что он родился с опозданием на век — и всю жизнь пытается нагнать ушедшее время.

У него не было семьи. Когда-то была попытка — короткая, давняя, окончившаяся тихо и без обид. Женщина, которую он любил, однажды сказала ему: «Ты живёшь не здесь. Ты всегда где-то там, в своих веках. Рядом с тобой я чувствую себя гостьей в музее». Он не нашёл что возразить — потому что она была права. С тех пор он жил один, и одиночество это не тяготило его: у него были его эпохи, его города, его мёртвые мастера, разговор с которыми никогда не прерывался.

Больше всего его занимал Стамбул — не нынешний, шумный, разросшийся до пятнадцати миллионов, а тот, прежний, уходящий. Город, который исчезал у всех на глазах, кусок за куском. Деревянные особняки, что горели каждое лето. Набережные, которые засыпали и застраивали. Целые кварталы, которые он знал только по старым снимкам — а на их месте теперь стояли бетонные коробки. Дениз собирал этот исчезнувший город по крупичкам — терпеливо, годами, как собирают мозаику, у которой утрачена половина смальты.

Город забывал сам себя. И Дениз чувствовал это забвение как личную потерю — будто из его собственной памяти кто-то методично вырывал страницы.

Три года, — думал Туран, глядя в свои записи, но не читая их. — Три года я сижу вот так и жду, пока он заговорит первым. И всякий раз оказывается, что ждать стоило.

⁴ Босфор — пролив, соединяющий Чёрное и Мраморное моря и разделяющий Стамбул на европейскую и азиатскую части. Один из ключевых водных путей мира.

⁵ Мимар Синан (1489–1588) — главный придворный архитектор Османской империи, создавший более трёхсот сооружений, в том числе мечеть Сулеймание в Стамбуле и мечеть Селимие в Эдирне. Считается величайшим архитектором османской эпохи.

Он помнил день, когда впервые попал на лекцию Дениза Акмана — случайно, вместо заболевшего однокурсника. Профессор тогда говорил об османской архитектуре эпохи Танзимата так, будто сам там присутствовал: не перечислял факты, а рассказывал. О людях, об ароматах эпохи, о том, как менялся свет в мечетях в зависимости от времени года. Туран просидел тогда полтора часа, не сделав ни единой заметки. После лекции подошёл и попросился в аспирантуру. Дениз посмотрел на него долго — так, словно взвешивал что-то — и сказал только: «Приходите в следующий вторник».⁶

С тех пор прошло три года. Туран до сих пор не был уверен, правильно ли он тогда поступил. Архитектурная история — не та область, где делают карьеру. Мать звонила каждый месяц и осторожно спрашивала, не думает ли он о чём-то более практичном. Назенин, с которой они встречались уже второй год, тоже молчала — но молчала особым образом, который Туран научился понимать без слов.

Но когда Дениз говорит о прошлом, оно становится настоящим, — думал он, машинально отчёркивая строчку в конспекте. — Вот в чём проблема. От этого не уйдёшь.

Дениз наконец оторвался от созерцания Босфора и медленно повернулся. Его глубокий карий взгляд, почти чёрный, с мягким, но пронизательным прищуром, остановился на Туране. В глазах профессора вспыхнул знакомый огонёк — тот самый, что заставлял даже самых равнодушных студентов внимать каждому слову.

— Туран, — голос Дениза прозвучал неожиданно громко в тишине кабинета, эхом отразившись от высоких потолков. — Сегодня мы отойдём от стандартных лекций.

Аспирант поднял глаза от записей. Профессор подошёл к столу, взял старинную карту острова Бююкада и развернул её, разглаживая ладонью складки.

— Посмотри сюда, — Дениз ткнул пальцем в точку на карте. — Бююкада, самый большой из Принцевых островов. Видишь этот холм? Холм Христос. Там стоит Принкипо Палас — самое большое деревянное здание Европы.⁷

Он сделал паузу, давая Турану время рассмотреть карту. Линии на пожелтевшей бумаге были выцветшими, но ещё различимыми — очертания острова, бухты, дороги, ведущие к вершине холма.

— Построено в 1898 году по проекту Александра Валлори, — продолжал Дениз. — Изначально задумывалось как роскошный отель с казино, но султан Абдул Хамид II не дал разрешения. Позже здание стало приютом для греческих сирот, а теперь оно заброшено и медленно разрушается.⁸

Профессор отошёл от стола и начал медленно рассказывать по кабинету, заложив руки за спину.

— Речь пойдёт о рубеже XIX–XX веков, — его голос стал тише, но от этого звучал ещё веселее. — Времени, когда Стамбул переживал колоссальные изменения. Османская империя стояла на пороге больших перемен, и архитектура отражала это как ничто другое.

Он остановился у книжной полки, провёл рукой по корешкам книг.

— Чтобы по-настоящему ощутить эту эпоху, нужно понять не только архитектуру, но и атмосферу, быт, менталитет тех людей. А где это лучше всего сделать?

— На Бююкада? — догадался Туран, откладывая карандаш.

⁶ Танзимат (тур. «упорядочение») — период реформ в Османской империи (1839–1876), направленных на модернизацию государственного управления, права и образования по европейскому образцу.

⁷ Принкипо Палас (также известен как «Большой дом сирот») — здание на острове Бююкада, построенное в 1898 году по проекту французского архитектора Александра Валлори. Изначально планировалось как казино-отель, но султан Абдул Хамид II запретил азартные игры. Долгие годы использовалось как сиротский приют. В настоящее время является объектом культурного наследия.

⁸ Александр Валлори (Alexandre Vallauri, 1850–1921) — французский архитектор армянского происхождения, работавший в Османской империи. Автор ряда значимых зданий Стамбула, в том числе первого здания Оттоманского банка и отеля «Пера Палас».

Дениз улыбнулся — не широко, а едва заметно, уголком рта. Он вернулся к столу и оперся на него руками, наклонившись к аспиранту.

— Да. Я не просто предлагаю — я приглашаю тебя в поездку. В место моего вдохновения и... сожаления об уходе целой эпохи.

Он сделал паузу, словно взвешивая, стоит ли говорить дальше, затем выпрямился и прошёл по кабинету, останавливаясь у портрета Мимара Синана на стене.

— Больше всего на меня повлияли двое: Александр Валлори и Ведат Тек. — Дениз повернулся к Турану, и в его глазах вспыхнул тот самый огонёк. — Позволь мне стать твоим проводником во времени.

Туран ощутил знакомое замирание внутри — то особое предчувствие, что охватывало его всякий раз перед чем-то значительным. Он знал: профессор не бросает слов на ветер.

— Когда? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— В следующий вторник, — ответил Дениз, снова подходя к окну. — Паром отходит в девять утра. Собери всё необходимое: блокнот для зарисовок, фотоаппарат, измерительные инструменты. И самое главное — будь готов увидеть не просто здания, а души тех, кто их создавал.

Он посмотрел на Босфор, где парусник расправил белые крылья парусов, ловя ветер.

— Архитектура — это застывшая музыка эпох, Туран. И сегодня мы с тобой начнём учиться её слышать.

— Ты знаешь, Туран, — сказал он негромко, всё ещё глядя на воду, — что половины того Стамбула, который я изучаю, уже нет? Сгорел, снесён, перестроен. Мы ходим по городу, как по палимпсесту — поверх старого текста написан новый, а под ним ещё один, и ещё. Большинство людей видит только верхний слой. А я не могу разучиться видеть нижние.

Туран молчал — он знал, что в такие минуты профессора не нужно перебивать.

— Каждое здание, которое исчезает, уносит с собой не только стены, — продолжал Дениз. — Оно уносит то, как люди жили. Как входили в эти двери, где сидели по вечерам, у каких окон ждали. Здание — это застывшая жизнь. Когда оно гибнет, гибнет и память о тех, кто в нём был. — Он помолчал. — Вот почему я занимаюсь этим. Не ради науки. Ради того, чтобы хоть что-то не дать забыть.

Он повернулся к Турану, и в его глазах было что-то, чего аспирант раньше не видел — не профессорская увлечённость, а нечто более личное, почти болезненное.

— Принкипо Палас тоже исчезает. Медленно, у всех на виду. Самое большое деревянное здание Европы гниёт под дождями, и никому нет дела. А когда-то оно было мечтой — дерзкой, роскошной, невозможной. Я хочу, чтобы ты увидел его прежде, чем оно рухнет окончательно. Хочу, чтобы ты понял, чем оно было. Не руиной — замыслом.

Туран молча кивнул, чувствуя, как внутри растёт предвкушение. Он собрал записи, закрыл блокнот и поднялся.

— Я буду готов, профессор.

Дениз обернулся и улыбнулся уже по-настоящему — широко и тепло.

— Знаю, Туран. Иначе ты не был бы моим учеником.

Когда аспирант вышел в коридор и дверь закрылась за ним, он остановился. За спиной осталась тишина кабинета, впереди — гул университетского этажа. Туран стоял между ними и понимал, что нужно позвонить Назенин. Предупредить. Объяснить, что в следующий вторник он уезжает на Бююкада — неизвестно, на сколько дней.

Он достал телефон, но не набрал номер. Просто смотрел на экран — и в этот самый миг тот вздрогнул в руке: сообщение от Назенин. «Не забудь, завтра вечером все собираемся в кафе. Приходи, я соскучилась». Туран медленно выдохнул. Она опять опередила его.

Что я ей скажу? — думал он. — Что профессор зовёт меня стать проводником во времени? Что я не могу отказать, хотя она опять будет молчать своим особым молчанием?

Туран убрал телефон в карман и пошёл по коридору. Вот и хорошо — не по телефону же о таком говорить. Завтра, в пятницу, он увидит её в кафе и всё расскажет сам, при встрече. Найдёт слова. Он их всегда находил — только потом, когда уже поздно.

А в кабинете Дениз ещё долго стоял у окна.

Солнце клонилось к закату, и Босфор горел медью и золотом. По воде шли паромы — те же, что ходили здесь сто лет назад, и двести, только теперь железные вместо деревянных. Город жил, шумел, дышал — огромный, равнодушный, бессмертный. Он пережил империи и революции, пожары и землетрясения, и переживёт ещё многое.

Дениз смотрел на этот город и чувствовал странную, давно знакомую тоску — тоску по времени, в котором никогда не был. Ему хотелось не изучать прошлое, а войти в него. Пройти по улицам, которых больше нет. Услышать голоса, которые умолкли. Увидеть своими глазами то, что он знал только по бумаге.

«Глупость, — сказал он себе. — Стариковская сентиментальность». Он усмехнулся, отвернулся от окна и стал собирать бумаги к поездке. Уже на следующей неделе — остров. Принкипо Палас. Работа.

Он не знал — не мог знать, — что желание, которое он только что назвал глупостью, вот-вот исполнится. Что через несколько дней он войдёт в прошлое не как исследователь, а как человек, которому предстоит прожить в нём целую жизнь. Город, по которому он тосковал, ждал его — терпеливо, как ждут только те места, которые знают, что время на их стороне.

Глава 2. Кафе «Золотая лилия».

Тяжёлая дубовая дверь кафе «Золотая лилия» поддалась с мягким, натужным скрипом, и Туран переступил порог, мгновенно окунувшись в плотную, живую и удивительно теплую атмосферу заведения. После прохлады, сырости и давящего шума вечерней стамбульской улицы этот полутёмный зал казался настоящим островком безмятежности и уюта. В воздухе плыл густой, бархатистый аромат свежесваренного турецкого кофе, смешанный с аппетитными нотками пряных восточных закусок и едва уловимым дымком кальяна. Мягкий, приглушенный свет настенных ламп в кованных латунных абажурах окутывал глубоким полумраком углы помещения, создавая удивительное ощущение приватности. На стенах в изящных деревянных рамках висели старые черно-белые фотографии, запечатлевшие залитые солнцем набережные Константины начала прошлого века, а из винтажного музыкального автомата в углу доносилась негромкая, тягучая мелодия, задававшая неспешный, ленивый ритм этому вечеру.

Был вечер пятницы, и за их любимым столиком у широкого окна, за которым зажигались первые вечерние огни мегаполиса, уже всю кипела жизнь — впереди ждали выходные, и компания собралась отметить конец рабочей недели. Туран обвел быстрым взглядом собравшихся: здесь были Эмир, Лейла и Назенин — их старый, проверенный университетский костяк, а также Джанер, Сулейман и Айше, которые совсем недавно органично вписались в эту шумную и разношерстную компанию.

— Туран, ну наконец-то! — Назенин поднялась из-за стола со светлой, искренней улыбкой, и её большие тёмные глаза радостно блеснули в полумраке кафе. — Мы уже всерьез начали беспокоиться, что ты снова заживо похоронил себя в университетском архиве под горой старых книг, чертежей и пыли!

Ее слова послужили сигналом для всей остальной компании. За столом мгновенно поднялся оживленный гул, послышался звон стаканов с чаем и дружеские подколы. Эмир, как и всегда, вальяжно откинулся на спинку стула, моментально перехватывая лидерство в разговоре и театрально воздевая руки к потолку:

— О, великий ученый, светило нашей будущей архитектуры соизволил-таки спуститься со своих академических небес к нам, простым смертным, и почтить нас своим высочайшим присутствием! — его громогласный, рокошующий голос заставил обернуться людей за парой соседних столиков.

Туран лишь добродушно, немного устало усмехнулся, присаживаясь на свободное место рядом с Назенин, но разговор уже закрутился бурным вихрем вокруг него, не требуя его прямого участия. Лейла, сидевшая сбоку, резко подалась вперед, активно и эмоционально жестикуюлируя. Будучи страстной, до мозга костей преданной футбольной болельщицей, она просто не могла молчать о событиях вчерашнего дня.

— Да вы вообще видели вчерашний матч? — с восторгом и горящими глазами воскликнула она, едва не опрокинув чашку. — «Бешикташ» буквально разорвал «Галатасарай» на части на их же поле! Это же было тотальное, абсолютное уничтожение противника!

— Да ладно тебе преувеличивать, Лейла! — тут же вскинулся Сулейман, категорически не соглашаясь с такой громкой оценкой. — Игра была абсолютно равной, жесткой, кость в кость! Я сам сидел на фан-трибуне и видел каждое движение игроков. Им просто дико повезло на последних минутах, вот и всё!

Джанер, явно получая искреннее удовольствие от разгоравшегося с новой силой спора, подлил масла в огонь:

— А как же гол на самой последней секунде, а? Когда мяч по такой невероятной, крученной дуге влетел точно под перекладину? Это же была чистая магия, настоящее безумие! Весь стадион просто взлетел на воздух от крика!

Айше, мягко и снисходительно улыбаясь, лишь покачивала головой, переводя взгляд с одного раскрасневшегося спорщика на другого. В конце концов она шутливо развела руками, пытаясь остудить их пыл:

— Мальчишки, ну вы как всегда! Стоит вам всем вместе собраться в «Лилии», и все разговоры в первые же десять минут сводятся исключительно к футболу. Можно подумать, в мире больше ничего примечательного не происходит.

Но Эмиру этого показалось мало. Он заговорщически подмигнул притихшему Турану и слегка ткнул его локтем в плечо:

— А ты у нас что притих, наш главный аналитик? Ну-ка выдай свой авторитетный вердикт: кто, по-твоему, заберет чистую победу в следующем дерби? На кого ставить?

Туран вымученно, слабо улыбнулся и что-то неопределенно, дежурно ответил, но мысленно он был уже бесконечно далеко от этого уютного кафе. На самом деле внутри него сейчас шла глухая, изматывающая и тяжёлая борьба. С одной стороны, ему было тепло, комфортно и хорошо среди этих близких людей, но с другой — тяжёлым, холодным камнем на душе лежало осознание колоссальной ответственности. Перед глазами то и дело всплывали сложные архитектурные расчеты, утренний разговор в коридоре и лицо Дениза Акмана — строгого, требовательного наставника, совместная работа с которым требовала предельной, маниакальной концентрации. Время безжалостно, стремительно уходило, а важные исследования по гранту все ещё стояли на месте, требуя его немедленного присутствия в архиве.

Когда Туран решительно поднялся из-за стола, Назенин внезапно замолкла, прервав свою фразу на полуслове. Шумные, веселые возгласы Эмира и бурные оправдания Сулеймана мгновенно отделились, превратившись для неё в невнятный, глухой фоновый гул. Она не стала больше уговаривать его остаться, не произнесла ни единого слова упрека или обиды, но в её внезапно наступившем, глубоком молчании скрывалось гораздо больше, чем в любых, даже самых горьких и резких словах.

Она смотрела на него снизу вверх, и этот долгий, пронзительный взгляд был буквально наполнен целой бурей противоречивых, разрывающих душу чувств. В самой глубине её тёмных глаз читалась едва уловимая, щемящая и выстрадавшая грусть одиночества — Назенин слишком часто, болезненно часто оставалась одна, пока он одержимо гнался за своей академической мечтой. Но вместе с этой тоской в её глазах вопреки всему светилась безграничная, почти жертвенная преданность. Она искренне, глубоко гордилась его умом, талантом и упорством, любила его огромную амбициозность, но в то же время этот взгляд буквально кричал о том, как сильно ей не хватает его простого, земного присутствия здесь и сейчас, рядом с ней. Это была немая, отчаянная мольба просто заметить её, остановиться среди вечной спешки хотя бы на один короткий миг и понять, что настоящий мир состоит не только из пыльных чертежей, графиков и исторических монографий.

В этом многозначительном, звенящем молчании Назенин буквально обнажала перед ним свою ранимую душу, отчаянно надеясь, что он наконец-то прочтет всё сам, без словесных подсказок.

Туран, перехватив этот тяжёлый взгляд, на секунду замешкался у стола. Он почувствовал, как по спине пробежал странный, неприятный холодок, а где-то глубоко внутри шевельнулось смутное, тревожное беспокойство. Он интуитивно, на мгновение уловил, что между ними только что произошло нечто важное, тяжёлое и тектоническое. Однако его холодный разум и мысли, уже полностью нацеленные на предстоящую ночную работу над проектом «Быт членов семьи Султана», не позволили ему до конца осознать всю глубину и трагизм её внутренней драмы. Для него это была лишь минутная, обычная грусть мимолетного расставания перед долгой учебной ночью. Он мысленно списал всё на обычную усталость девушки после тяжёлого дня, так и не разгадав ту тихую, любящую и одновременно глубоко страдающую Назенин, которая в этот момент мысленно отпускала его в очередной, бесконечный раз.

Развернувшись, он уверенно, быстрыми шагами зашагал к выходу из кафе, а Назенин продолжала молча смотреть ему в спину, через силу мягко улыбаясь остальной компании и искусно, привычно пряча за этой фальшивой улыбкой свою звенящую внутреннюю пустоту.

Когда тяжёлая дубовая дверь кафе с тихим стуком захлопнулась за Тураном, Назенин словно очнулась от тяжёлого сна. Она медленно перевела взгляд на свой недопитый, уже остывающий чай, чувствуя, как вокруг неё с новой силой нарастает беззаботный, веселый шум компании. Эмир продолжал что-то эмоционально и громко доказывать Сулейману, активно размахивая руками, но для неё эти голоса теперь звучали где-то очень далеко, как сквозь толщу ледяной воды.

Айше, сидевшая напротив, на протяжении всего этого времени внимательно и сочувственно наблюдала за подругой. Заметив, как мгновенно увяла и погасла искренняя улыбка на лице Назенин после ухода парня, она мягко, поддерживающе коснулась её руки под столом, привлекая внимание к себе.

— Ты как, Наз? — тихо, одними губами, чтобы не привлечь внимания парней, спросила Айше.

— Всё хорошо, правда, — Назенин отчаянно попыталась придать своему голосу прежнюю легкость и равнодушие, но пальцы безжалостно выдали её внутреннее состояние, судорожно, до белизны суставов сжав бумажную салфетку. — Он просто очень целеустремленный, вы же его знаете. Ему нужно сдавать грант профессору Акману. Я ведь... я ведь прекрасно знала, кого выбираю в спутники жизни.

Эмир на секунду прервал свой бесконечный футбольный монолог, посерьезнел и внимательно, с легким осуждением посмотрел на притихшую Назенин:

— Ты слишком сильно его балуешь, подруга, уж прости за прямоту. Иногда нашего заучку нужно силой, за шиворот вытаскивать в реальный, живой мир, иначе он построит свой идеальный дом на бумаге, но напроочь забудет, ради кого и для кого он его строил. Жизнь проходит мимо него.

Назенин лишь грустно, едва заметно улыбнулась в ответ на эти слова. Ей меньше всего на свете хотелось сейчас кого-то винить или оправдывать. Внутри неё окончательно поселилась привычная, глухая и холодная пустота — её личная, непомерная плата за право быть рядом с непризнанным гением, который всегда, в любую минуту принадлежал своей работе и архитектурным призракам прошлого чуть больше, чем ей.

Дома, в глубоком полумраке своей небольшой рабочей комнаты, Туран никак не мог сосредоточиться, несмотря на всю свою решимость. Плотная чертежная бумага на столе казалась непривычно чужой, а линии карандаша выходили неровными, рваными и какими-то безжизненными. Он раз за разом, помимо своей воли, прокручивал в голове последние минуты, проведенные в кафе «Золотая лилия». Перед глазами настойчиво, как наваждение, стояло бледное лицо Назенин в тот самый момент, когда он объявил о своем немедленном уходе в ночь.

Только сейчас, в абсолютной тишине и полном одиночестве, до него начал постепенно, мучительно доходить истинный, глубокий смысл её многозначительного, затянувшегося молчания. Это была не просто минутная девичья грусть или каприз. В её глазах, которые он так поспешно, эгоистично заставил себя забыть ради работы, читался глубокий, выстраданный годами упрек и тихая, отчаянная мольба о помощи. Он вдруг отчетливо, с пугающей ясностью осознал, насколько сухо и эгоистично выглядело его дежурное: «Мне действительно нужно срочно вернуться к работе, сроки поджимают». Он не просто ушел работать — он в очередной, сотый раз задвинул её чувства, её жизнь и её любовь на дальний, задний план ради своих амбиций и страсти к истории.

Туран в сердцах отложил карандаш в сторону и тяжёло потер виски ладонями. Внутренний голос, который он так усердно, профессионально заглушал рациональными доводами о

важности гранта и карьеры, теперь кричал о том, что он упускает нечто бесконечно важное, то, что невозможно будет вернуть ни за какие деньги и звания. Проект для строгого Дениза Акмана больше не казался ему единственным и абсолютным смыслом существования. Парень с тихим ужасом понял: Назенин любит его настолько сильно и преданно, что готова бесконечно, годами молчать о своей собственной боли и одиночестве, лишь бы не мешать его научному успеху. И это её благородное, страшное молчание ранило его сейчас, в ночной тишине, сильнее любых самых жестоких упреков и скандалов.

Тяжёлое, липкое чувство вины прочно осело где-то глубоко в груди, мешая дышать, но Туран, пересилив себя, заставил вернуться к рабочему столу. Однако работа над архитектурным проектом теперь шла совершенно иначе, меняя свой привычный темп. Линии, которые он наносил на ватман, больше не были сухими, бездушными математическими расчетами и копированием старых османских элементов. Каждое новое движение его карандаша теперь было насквозь пронизано мыслями о Назенин и отчаянным, подсознательным желанием искупить свою сегодняшнюю глухоту.

Он проектировал концепт нового культурного центра для исторической части города, и теперь, под прямым влиянием этого ночного эмоционального прозрения, пространство на чертежах начало стремительно менять свою первоначальную суть. Вместо строгих, холодных и надменных каменных стен Туран стал интуитивно добавлять мягкие, плавные изгибы, наполнять внутренний проект светом, открытыми террасами и уютом. Он поймал себя на поразительной мысли, что бессознательно создает то самое место, где Назенин чувствовала бы себя по-настоящему счастливой, защищенной, согретой теплом и, главное, нужной. Этот проект становился его немым, зашифрованным извинением перед ней, его единственным доступным способом сказать на расстоянии то, что он не смог или побоялся произнести вслух в кафе.

Карандаш мерно, успокаивающе шуршал по плотной бумаге до самых предрассветных, сизых сумерек, когда за окном начали подавать первые голоса птицы. Впереди были выходные — в университет идти не нужно, и можно было работать хоть до утра, не думая о завтрашних лекциях. Туран работал на самом пределе своих сил, сублимируя свою вину в чистое архитектурное творчество. Теперь он точно знал, что на этих выходных, не откладывая, он придёт к ней. Не для того, чтобы снова эгоистично хвастаться своими успехами или чертежами, а для того, чтобы впервые за долгое время просто обнять её и внимательно, до конца выслушать. Проект был почти готов, но его главная, истинная ценность теперь заключалась в том, что внутри этих линий жила любовь к девушке, которая умела прощать его самым красноречивым и пронзительным в мире молчанием.

Глава 3. Взгляд Мелек.

В понедельник, после выходных, утреннее майское солнце щедро заливало просторный холл Университета изящных искусств имени Мимара Синана, пробиваясь сквозь колоссальные старинные витражи и рассыпаясь по мозаичному полу сотнями золотистых, подвижных искр. Жизнь здесь не просто шла — она была ключом, подчиняясь особому, ни на что не похожему академическому ритму. Студенты-архитекторы и будущие искусствоведы оглушительно хохотали, спорили об утерянных пропорциях античности, шуршали страницами тяжёлых, пахнущих типографской краской конспектов и на ходу допивали обжигающий турецкий кофе. Воздух был пропитан тонким ароматом свежего эспрессо, меловой пыли и едва уловимым, горьковатым запахом масляных красок, доносившимся из художественных мастерских верхних этажей.

В этой привычной, хаотичной полуденной суеде мало кто обратил внимание на женщину, которая плавно, почти царственно переступила порог главного входа со стороны набережной Босфора. На ней был строгий темно-синий костюм, идеально сидевший по фигуре и подчеркивавший её безупречную осанку. Мелек Демир двигалась почти бесшумно, словно невидимый дух, стараясь не нарушать этот бурный, устоявшийся студенческий поток. Её густые тёмные волосы были уложены в безупречный, аккуратный пучок, и лишь несколько непослушных прядей мягко обрамляли лицо, придавая строгому образу капельку нежной женственности.

Она не растерялась среди сотен спешащих мимо людей, не искала глазами указатели, кабинеты или настенные таблички. Её шаги были твердыми, размеренными и удивительно уверенными, будто она вернулась в родной дом, где знала каждый потайной уголок, каждую трещину на стене. Время от времени Мелек слегка замедляла ход. Её глубокий, пронизывающий взгляд скользил по белой лепнине высокого потолка, старинным дубовым дверям аудиторий и сложным мозаичным узорам под ногами. Она смотрела на эти стены с такой трепетной, интимной нежностью, словно после многолетней, мучительной разлуки встретила самого близкого, преданного друга, который один знал всю правду о её прошлом.

Мелек остановилась у массивной мраморной колонны, ладонью коснувшись её прохладной поверхности. Пальцы женщины едва заметно подрагивали. Для всего остального мира она была успешным профессором, приглашенной звездой из Анкары, приехавшей в крупнейший мегаполис, который весь мир теперь знал как Стамбул. Но внутри неё, глубоко под маской академической строгости, шла невидимая миру работа. Каждый шаг по этому холлу отзывался странным, глухим эхом в груди, словно древние камни университета пытались заговорить с ней на забытом, но таком родном языке.

У огромного панорамного окна в противоположном конце холла, откуда открывался захватывающий вид на свинцовые воды пролива, стояли двое мужчин. Молодой аспирант Туран, как обычно, выглядел слегка взъерошенным и взволнованным: воротник его светлой рубашки был слегка помят, из кармана пиджака торчал остро заточенный карандаш, а в глазах горел вечный, неугасаемый огонек исследовательского азарта и любопытства. Рядом с ним застыл Дениз Акман — профессор кафедры истории архитектуры, бывший полной, абсолютной его противоположностью.

На Денизе был безупречно выглаженный серый костюм-тройка, а в каждом его движении, повороте головы и интонации сквозила сдержанная, холодная академическая аристократичность, которая вырабатывалась десятилетиями работы с архивными документами и чтения лекций перед международными комиссиями. Дениз держал в руке фарфоровую чашку, из которой тонкими струйками поднимался пар. Туран эмоционально, активно жестикулируя,

рассказывал старшему коллеге какую-то историю об очередных нестыковках в чертежах зданий конца девятнадцатого века.

— Кстати, — Дениз сделал ещё один неспешный глоток кофе, не отрывая взгляда от воды, — у нас всё готово к поездке? Во вторник я не хочу никаких сюрпризов. Паром отходит ровно в девять, опаздывать нельзя.

— Всё готово, профессор, — закивал Туран, на миг забыв о чертежах. — Блокноты для зарисовок, карандаши, рулетка, складной метр. Фотоаппарат зарядил вчера, взял запасные батареи и две карты памяти. Даже фонарь положил — вдруг придётся лазить по тёмным помещениям.

— Фонарь — это правильно, — одобрительно кивнул Дениз. — Принкипо Палас давно заброшен, электричества там нет. И возьми что-нибудь от дождя, остров есть остров — погода меняется в одну минуту.

— Уже взял, профессор, не беспокойтесь, — улыбнулся аспирант. — Я к этой поездке готовился, кажется, тщательнее, чем к защите диплома. До вторника всё перепроверю ещё трижды.

— Вот и хорошо, — Дениз наконец позволил себе лёгкую усмешку. — С таким настроением из тебя выйдет толк. Главное — помни: мы едем не просто смотреть на старые стены. Мы едем слушать их.

Туран хотел было что-то ответить, снова заговорить о волнующих его чертежах, но вдруг осёкся, заметив вошедшую в холл женщину. Его рот остался приоткрытым, а рука застыла в воздухе.

— Смотрите-ка, профессор Акман, — Туран вполголоса окликнул Дениза и быстро кивнул в сторону замершей у колонны Мелек. — Это же она! Наша новая преподавательница, которую перевели из Анкары. Красивая женщина, что и говорить, — но дело не в этом. Вы посмотрите, как она держится: какая стать, какое достоинство. Сразу видно человека с историей за плечами. И знаете, что мне сейчас показалось, профессор? Она как-то по-особенному, очень пронзительно и тяжёло посмотрела именно в нашу сторону. Точнее... именно на вас.

Дениз даже не повернул головы в её сторону, продолжая смотреть на проплывающий по Босфору грузовой танкер. Он сделал медленный, невозмутимый глоток из своей чашки и холодным, ровным голосом осадил загоревшегося юношу, мгновенно выстраивая стену субординации:

— Вздор, Туран. Ровным счетом ничего подобного я не замечаю. Я устал напоминать тебе про элементарную профессиональную этику и субординацию в этих стенах. Это наш новый коллега, выдающийся профессор истории архитектуры Мелек Демир. Имей уважение и не глязей на неё, открыв рот, как на музейный экспонат. Нам предстоит огромная работа по грантам, а ты, как всегда, готов с головой увлечься чем угодно, лишь бы не заниматься делом.

Аспирант мгновенно залился густой краской, смущенно переступил с ноги на ногу и поправил ремень тяжёлой сумки, но азарт внутри него не угас. Он слишком хорошо знал своего наставника, чтобы верить его напускному равнодушию.

— Конечно, профессор, извините, — поспешно забормотал Туран, понизив голос. — Вы абсолютно правы. Я ведь не о том. Просто... ну согласитесь, она невероятно выделяется на общем фоне, и красота тут — дело десятое. В её манерах, в том, как она держит голову, есть что-то... монументальное. Сразу чувствуется человек с железным внутренним стержнем, который привык командовать сотнями людей на строительных объектах, а не просто перекладывать пыльные бумажки в тиши кабинетов. Вот у кого хочется учиться.

Дениз все же не выдержал натиска своего помощника. Он медленно, стараясь делать это максимально незаметно, перевел взгляд за спину Турана, проследив за движениями Мелек. Женщина как раз отошла от мраморной колонны, приблизилась к величественной старинной арке, ведущей в правое крыло здания, и медленно, с закрытыми глазами провела подушечками

пальцев по резному каменному узору на стыке плит. Глаза Дениза против воли сузились, а привычное академическое равнодушие на мгновение сменилось глубоким, острым профессиональным интересом. Он опустил чашку на подоконник.

— А ведь ты прав, Туран, она действительно непростая личность, — тихо, будто рассуждая сам с собой и забыв о недавнем выговоре, произнес профессор. — Я внимательно изучал её личное дело и портфолио, когда её кандидатуру утверждали на закрытом заседании нашей кафедры. В Анкаре Мелек Демир была настоящей живой легендой среди реставраторов. Её лекции собирали такие огромные толпы, что студентам не хватало мест, и они часами сидели на каменных ступеньках в проходах аудиторий. А потом, около пяти лет назад, ей бросили настоящий вызов — предложили возглавить масштабную реставрацию дворца Йылдыз. Это был катастрофический, фактически провальный проект, от которого до неё отказались все маститые ученые и международные эксперты.

Дениз замолчал, вспоминая статьи из архитектурных вестников того времени. Туран слушал его, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть редкую минуту откровения профессора.

— Представь себе: никакого государственного финансирования в нужных объемах, жесткие, ультимативные сроки, колоссальные разрушения несущих деревянных конструкций после многолетней сырости, — продолжил Дениз, и в его голосе прорезались нотки искреннего уважения. — Все были абсолютно уверены, что эта амбициозная женщина сломает себе карьеру, столкнется с бюрократией и с позором откажется через пару месяцев. А она заперлась в полуразрушенном дворце, практически жила там вместе с рабочими, согласилась на все условия и сотворила форменное чудо.

Профессор снова посмотрел на Мелек, которая теперь наклонила голову, изучая сложную капитель угловой колонны холла. Казалось, она видела в куске старого камня тайные, зашифрованные послания прошлых веков, абсолютно недоступные для взора простых обывателей или ленивых студентов.

— Поговаривают, — Дениз понизил голос, — что она могла часами, невзирая на пронизывающий холод, штормовой ветер или проливной дождь, стоять на лесах перед разрушенным фасадом и просто смотреть на него, не совершая ни одного движения. А потом, будто по волшебству или наитию, находила безупречный, единственно верный способ восстановить то, что экспертная комиссия признала утраченным навсегда и приговорила к сносу. После триумфа в Йылдызе руководство нашего университета забрало её из Анкары с руками и ногами. Без дурацких собеседований, без малейших бюрократических проволочек. Если бы ты видел её чертежи, схемы и аналитические выкладки, которые она отправила комиссии... Это поразительная математическая точность, соединенная с душой великого поэта. Настоящий, большой Мастер, у которого многим из нас стоит поучиться.

Туран слушал профессора, затаив дыхание. Его глаза разгорались все сильнее, а в голове уже выстраивались амбициозные планы.

— И это ещё далеко не все, Туран, — заинтриговал его Дениз, явно довольный произведенным на аспиранта эффектом. — Параллельно с огромной, изнурительной преподавательской нагрузкой на нашей кафедре она умудряется тащить колоссальный, независимый научный проект, который курируют на самом высоком уровне. Подробностей пока не разглашают — что-то закрытое, со ссылкой на архивы, к которым простым смертным хода нет. Но, зная её, могу поручиться: это будет нечто дерзкое и невероятно сложное. Не банальная экспозиция битых черепков и ржавого оружия под стеклом, а попытка оживить саму историю.

— Фантастика... — прошептал пораженный аспирант, снова переводя восхищенный взгляд на загадочный силуэт Мелек. — Значит, вы считаете её метод работы действительно гениальным?

— Без малейших сомнений, — твердо кивнул Дениз, возвращаясь к своему обычному строгому тону. — Её уникальный метод реставрации — это не тупое, механическое копиро-

вание старых форм и заливка бетона. Она кожей чувствует дух времени, она понимает скрытую, внутреннюю логику древних зодчих, будто сама стояла рядом с ними у чертежных столов. Такой дар дается один на миллион. И помани мое слово: то, над чем она сейчас работает, ещё перевернет все наше академическое сообщество и заставит многих переписать свои диссертации.

В этот момент Мелек плавно развернулась и изящной, летящей походкой направилась вглубь длинного коридора, туда, где её ждала первая лекционная аудитория. Она шла с идеально прямой спиной, гордо и царственно, ни разу не обернувшись на шумящую толпу студентов. Но в самую последнюю секунду, перед тем как окончательно скрыться в дверях, её взгляд на мгновение мазнул по панорамному окну, у которого стояли мужчины.

В этом коротком, как вспышка, прикосновении взглядов промелькнуло нечто, заставившее Дениза на миг замереть. Это не было обычным любопытством нового сотрудника. Денизу почему-то показалось — он сам не смог бы объяснить почему, — будто эта женщина смотрит на него не как на незнакомца. Он тут же отмахнулся от нелепого ощущения: мало ли что покажется усталому человеку ранним утром.

Туран шумно, со свистом выдохнул скопившийся в легких воздух, нарушая тишину.

— Ну всё, профессор. Теперь меня никакими силами не выгонишь с её лекций. Более того, я костями лягу, пройду все круги ада, но добьюсь, чтобы она взяла меня в свою команду! Работать с таким мастером — об этом можно только мечтать.

Дениз искренне, тепло усмехнулся и похлопал парня по плечу, забирая свою чашку:

— Вот и отлично. Может, под её жестким началом ты наконец-то наберешься ума, перестанешь опаздывать и научишься работать с первоисточниками, а не только с интернетом. И постарайся, ради бога, относиться к профессору Демир с максимальным, глубочайшим уважением. Она это заслужила.

Туран истово, радостно закивал, а Дениз ещё долго, задумчиво и напряженно смотрел вслед растаявшему в полумраке коридора силуэту Мелек. В его глазах теперь горело не просто привычное профессиональное уважение к сильному коллеге, а необъяснимый, тревожный, пугающий и одновременно жгучий интерес к этой загадочной женщине.

После того как Туран, засыпав его очередной порцией извинений, убежал на свои занятия, Дениз ещё некоторое время стоял у панорамного окна. Он невидящим, тяжёлым взором провожал спешащих на лекции студентов, но мысли его были далеко отсюда. Слова аспиранта о «необычном, пронзительном взгляде» новой преподавательницы навязчиво, как назойливая муха, крутились в голове, пробуждая внутри странное, непривычное и глубокое беспокойство. Наконец, резко тряхнув головой, чтобы избавиться от этого глупого наваждения, профессор подхватил свой кожаный портфель и направился в сторону административного крыла, где у него была запланирована встреча с деканом.

Коридор исторического факультета встретил его прохладой и глубоким полумраком, разительно отличавшимися от залитого ярким солнцем центрального холла. Шаги Дениза гулко, размеренно отдавались от высоких каменных сводов здания. На одном из поворотов, прямо у массивной дубовой двери архивного отдела, он был вынужден резко затормозить, едва не выронив портфель.

Мелек стояла там, в полумраке. Она только что вышла из кабинета секретаря с тонкой папкой документов в руках. Услышав шаги, женщина медленно, с достоинством повернула голову. Денизу почудилось, что шум студенческого холла на мгновение отдалился, будто отступил на второй план, — так бывает, когда чьё-то лицо приковывает внимание помимо воли. Он остановился, не дойдя до неё нескольких метров.

Их взгляды встретились — прямо, открыто, тяжёло и неизбежно.

Вблизи её глаза оказались удивительного, редкого глубокого янтарного оттенка, в котором сейчас причудливо отражался тусклый, желтоватый свет коридорных бра. Это столкнове-

ние взглядов длилось всего несколько секунд, но по плотности эмоций и внутреннему напряжению оно могло легко сравниться с часовым, изнурительным разговором. Дениз ожидал увидеть в глазах нового профессора обычную коллегальную вежливость, легкое смущение от неожиданной встречи или дежурный интерес. Вместо этого он натолкнулся на невероятную, парализующую волю глубину.

Взгляд Мелек не был изучающим или оценивающим. Денизу почему-то показалось, что она смотрит на него так, будто они уже знакомы, — хотя он точно знал, что видит её впервые. В янтарных глазах читалось спокойствие человека, у которого за плечами что-то большое и пережитое; и от этого спокойствия Денизу стало не по себе. Это было не обычное любопытство коллеги, а что-то, чему он не находил названия — и оттого ещё более неудобное.

Внутри Дениза мгновенно, на уровне рефлексов сработал выученный годами механизм психологической защиты. Многолетняя, жесткая броня академической сдержанности, холодности и гордости не позволила ему поддаться этой ошеломляющей, горячей волне встречного течения. Он не позволил себе проявить слабость. Глубоко в его мыслях произошло нечто неординарное, сдвинувшее привычную, незыблемую тектоническую плиту его железного самоконтроля. Он не отвел глаз, но его собственный взгляд стал ещё более холодным, цепким, колючим и анализирующим, пока сознание лихорадочно, в панике засыпало его вопросами, на которые у него не было ответов.

Откуда в этой женщине такая спокойная уверенность? Почему её взгляд кажется ему смутно знакомым — будто он уже видел эти глаза, хотя и не мог вспомнить где? Что она ищет в его лице? И почему её присутствие вызывает у него это странное внутреннее сопротивление — словно он инстинктивно защищается от чего-то, чего ещё даже не понял? Дениз не находил ответов. И это раздражало его, человека, привыкшего объяснять всё на свете.

Мелек едва заметно, одним лишь самым уголком губ, улыбнулась — так тонко, неуловимо и загадочно, что эту улыбку можно было легко принять за случайную игру теней на её лице. Она сделала легкий, едва уловимый наклон головы в знак приветствия, первой нарушая эту затянувшуюся, звенящую паузу, которая, казалось, выпила весь воздух из коридора.

— Профессор Дениз Акман? — её голос прозвучал мягко, но в нём отчетливо, осязаемо слышался низкий, бархатистый, грудной тембр, заставивший Дениза внутренне вздрогнуть и сжать ручку портфеля.

— Профессор Мелек Демир... — Дениз заставил себя сделать твердый шаг вперед и протянул руку, полностью вернув на лицо привычную, безупречную маску вежливости и холодного профессионализма, хотя сердце в его груди продолжало биться в рваном, неритмичном и оглушительном темпе. — Добро пожаловать в Университет Мимара Синана. Рад нашему очному знакомству.

Мелек медленно протянула руку в ответ, её тонкие, изящные пальцы коснулись его ладони. В этот момент в полумраке старинного коридора между ними повисло такое осязаемое, натянутое до предела, электрическое напряжение, что обоим стало абсолютно ясно: эта история началась задолго до сегодняшнего майского утра, и её финал предсказать не в силах никто из ныне живущих.

Глава 4. В кабинете Декана.

Массивная дубовая дверь кабинета декана исторического факультета со скрипом закрылась за спиной Дениза, мгновенно отсекая любые звуки бурлящего студенческого коридора. Внутри царил совершенно иная атмосфера — тяжёлая, торжественная и пропитанная духом академического консерватизма. Стены от пола до потолка были облицованы панелями из тёмного ореха, а вдоль них выстроились огромные застекленные шкафы, плотно забитые редкими фолиантами, старинными картами и архивными подшивками ведомостей. В воздухе плыл устойчивый, благородный аромат дорогого табака, старой кожи и пчелиного воска, которым раз в неделю натирали паркет.

За монументальным письменным столом, заваленным стопками документов, сидел декан факультета — профессор Ахмед-эфенди. Это был грузный мужчина лет шестидесяти пяти с окладистой седой бородой и цепким, пронизательным взглядом поверх круглых очков в тонкой золотой оправе. Напротив него, в глубоком кожаном кресле, с безупречно прямой спиной сидела Мелек Демир. Её папка с документами теперь лежала на краю стола.⁹

— Присаживайтесь, Дениз-бей, — Ахмед-эфенди приветственно кивнул, указывая на соседнее кресло. — Мы как раз обсуждали финальные организационные детали перевода профессора Демир на нашу кафедру.¹⁰

Дениз молча кивнул, аккуратно опустил свой портфель на пол и сел, стараясь сохранять абсолютное, ледяное спокойствие. После их неожиданного и магнетического столкновения в полумраке коридора его внутренняя защита работала на максимуме. Он снова надел свою привычную маску строгого, беспристрастного ученого, хотя физическое присутствие Мелек всего в полуметре от него вызывало странный, подсознательный дискомфорт.

— Я уже ввел профессора Демир в курс наших текущих исследовательских планов, — продолжил декан, перебирая бумаги. — Но, как вы знаете, её приезд связан

⁹ Эфенди — вежливое обращение «господин» в Османской империи, употреблявшееся к образованным людям, чиновникам и духовенству.

¹⁰ Бей — почётный титул и обращение к знатному господину, чиновнику или военачальнику в Османской империи; ставился после имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.